

А. Ф. Кони

**Из записок и воспоминаний
судебного деятеля**

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-94
ББК 63.3-8

А. Ф. Кони

Из записок и воспоминаний судебного деятеля / А. Ф. Кони – М.: Книга по Требованию, 2011. – 46 с.

ISBN 978-5-4241-3372-5

Анатолий Федорович Кони - русский юрист, общественный деятель и литератор. Блестящее образование, природный ум, поразительная работоспособность, незаурядный литературный дар обусловили стремительную профессиональную карьеру Кони, обеспечили славу выдающегося судебного деятеля, позволили достичь научных и государственных вершин академика и сенатора.

ISBN 978-5-4241-3372-5

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Анатолий Федорович Кони
ИЗ ЗАПИСОК И
ВОСПОМИНАНИЙ
СУДЕБНОГО ДЕЯТЕЛЯ

Из казанских воспоминаний

Если бы знаменитый криминолог Ломброзо увидел некоего Нечаева, которого мне пришлось обвинять в Казани весной 1871 года, то он, конечно, нашел бы, что это яркий представитель изобретенного итальянским ученым преступного типа и прирожденный преступник-маттоид.

Маленького роста, растрепанный, с низким лбом и злыми глазами, курносый, он всей своей повадкой и наружностью подходил к излюбленному болонским профессором искусственному типу. Он представлял вместе с тем и своего рода психологическую загадку по той смеси жестокости, нахальства и чувствительности, которые отражались в его действиях.

В 1871 году благовещение приходилось в пятницу на страстной неделе. "Свято соблюдая обычай русской старины", старик портной Чернов решил, вместо птицы, выпустить на свободу человека. Он отправился в тюремный замок и там узнал, что есть арестант - отставной военный писарь Нечаев, обвиняемый в краже и сидящий лишь за неимением поручителя на сумму 50 рублей. Чернов обратился к начальству тюрьмы, прося отдать ему на поруки Нечаева, и, по соблюдении формальностей, получил его на свои руки и немедленно привел к себе в мастерскую, подарив ему при этом две ситцевых рубашки и рубль серебром. С ними Нечаев немедленно исчез и вернулся лишь перед самой пасхальной заутрени, и конечно без рубашек и без рубля. Утром в день светлого воскресения он стал требовать еще денег, но Чернов отказал. В четыре часа дня последний оказался убитым, с кровоподтеками на виске и на лбу, причем шея его была почти совершенно перерублена топором, валявшимся тут же, а голова висела лишь на широком лоскуте кожи. Карманы платья Чернова были выворочены, и со стены исчезло его новое, только что сшитое пальто. Исчез и Нечаев. Он был обнаружен ночью в доме терпимости, причем на спине его, на рубашке, найдено было большое кровавое пятно; такое же пятно было и на подкладке пальто со стороны спинки. Нечаев ни в чем не сознавался и даже отрицал свое знакомство с Черновым и пребывание в его доме. Он держал себя чрезвычайно нагло. Когда его вели в сопровождении массы любопытствующего народа на квартиру Чернова для присутствия при осмотре места преступления, он обратился к проезжавшему мимо губернатору со словами: "Ваше превосходительство, а что бы вам меня за деньги показывать? Ведь большая бы выручка была!"

Пред осмотром и вскрытием трупа убитого в анатомическом театре университета Нечаев прислал мне заявление о непременном желании своем присутствовать при этой процедуре. Во время последней он, совершенно неожиданно, держал себя весьма прилично и внимательно вглядывался и вслушивался во все, что делал и говорил профессор судебной медицины И. М. Гвоздев. Когда последний кончил, Нечаев спросил меня: "Как объясняет он кровоподтек на лбу?" Я попросил Гвоздева повторить обвиняемому это место его *visum repertum* [установленной картины преступления (лат.)] и заключения. "Этот кровоподтек должен быть признан посмертным, - сказал Гвоздев, - он, вероятно, получен уже умершим Черновым во время падения с нар, возле которых найден покойный, от удара обо что-нибудь тупое". Нечаев злобно усмехнулся и вдруг, обращаясь ко мне и к следователю, громко сказал: "Гм!"

После смерти?! Все врет дурак! Это я его обухом топора живого, а не мертвого; он еще после этого закричал". И затем Нечаев тут же, не без развязности, рассказал, как, затаив злобу на Чернова за отказ в деньгах, подждал его возвращения с визитов и как Чернов вернулся под хмельком, но грустный, и жаловался ему, что у него сосет под сердцем, "точно смертный час приходит". "Тут я, - продолжал свой рассказ Нечаев, - увидел, что действительно его час пришел. Ударом кулака в висок сбросил я его с нар, на краю которых он сидел, схватил топор и ударил его обухом по лбу. Он вскрикнул: "Что ты, разбойник, делаешь?!" - а потом забормотал и, наконец, замолчал.

Я стал шарить у него в карманах, но, увидя, что он еще жив, ударил его изо всей силы топором по шее. Кровь брызнула, как кислые щи, и попала на пальто, которое Чернов повесил на стену, повернув подкладкой вверх, потому что оно было новое. Я крови не заметил, когда надевал пальто; оттого у меня она и на спине оказалась. А вы, может, и поверили, что это из носу?" - насмешливо заключил он, обращаясь к следователю и напоминая свое первое объяснение этого пятна.

В тюрьме он себя держал спокойно и просил "почитать книжек". Но когда я однажды взойшел к нему в камеру, он заявил мне какую-то совершенно нелепую жалобу на смотрителя и, не получив по ней удовлетворения, сказал мне:

"Значит, теперь мне надо на в а с жаловаться?" - "Да, на меня". - "А кому?" - "Прокурору судебной палаты, а еще лучше министру юстиции: он здесь будет через неделю". - "Гм, мое дело, значит, при нем пойдет?" - "Да, при нем". - "Эх-ма! В кармане-то у меня дыра, а то бы князя Урусова надо выписать. Дело мое ведь очень интересное. А кто меня будет обвинять?" - "Я". - "Вы сами?" - "Да, сам", - "Тото, я думаю, постараетесь! при министре-то?" - вызывающим тоном сказал он. "За вкус не ручаюсь, а горячо будет", - ответил я известной поговоркой. "А вы бы меня, господин прокурор, пожалели: не весело ведь на каторгу идти". - "Об этом надо было думать прежде, чем убивать для грабежа". - "А зачем он мне денег не дал? Ведь и я хочу погулять на праздниках. Я так скажу: меня не только пожалеть надо, а даже быть мне благодарным. Не будь нашего брата, вам бы и делать было нечего, жалованье не за что получать". - "Да, по человечеству мне и впрямь жаль", - сказал я. "А коли жаль, так у меня к вам и просьба: тут как меня выводили гулять или за нуждой, что ли, забралась ко мне в камеру кошка, да и окотилась; так я просил двух котятков мне отдать: с ними занятнее, чем с книжкой. Однако не дали. Прикажите дать, явите божескую милость!" Я сказал смотрителю, что прошу исполнить просьбу Нечаева.

В заседании суда, в начале июня, действительно присутствовал граф Пален, приехавший в Казань на ревизию.

Нечаев держал себя очень развязно, говорил колкости свидетелям и заявил, что убийство совершилось "фоментально" (т. е. моментально). Присяжные не дали ему снисхождения, и он был приговорен к 10 годам каторги. В тот же день казанское дворянство и городское общество давали обед графу Палену в зале дворянского собрания. В середине обеда мне сказали, что приехал смотритель тюремного замка по экстренному делу. Я вышел к нему, и он объяснил, что Нечаев, привезенный из суда, начал буйствовать, вырвал у конвойного ружье и согнул штык (он обладал громадной физической силой), а затем выломал у себя в камере из печки кирпич и грозил разmozжить голову всякому, кто к нему войдет.

Его удалось обезоружить, но смотритель находил необходимым заковать его в ручные и ножные кандалы, не желая, однако, это сделать без моего ведома, так как на мне лежали и обязанности старого губернского прокурора. Я отнесся отрицательно к этой крайней мере и посоветовал ему подействовать на Нечаева каким-нибудь иным образом. "Что - котята еще у него?" - "У него - он возится с ними целый день и из последних грошей поит их молоком". - "Так возьмите у него в наказание котят". Смотритель, старый служака прежних времен, посмотрел на меня с недоумением, потом презрительно пожал плечами и иронически сказал: "Слушаю-с!"

Прошло три дня. Смотритель явился ко мне вновь. "Господин прокурор, позвольте отдать котят Нечаеву". - "А что?" - "Да никак невозможно". - "Что же? буйствует?" - "Какое, помилуйте! Ничего не ест, лежит у дверей своей камеры на полу, стонет и плачет горячими слезами.

"Отдайте котят, - говорит, - ради Христа, отдайте! Делайте со мной, что хотите: ни в чем перечить не буду, только котяточек моих мне!" Даже жалко его стало. Так можно отдать? Он уж будет себя вести примерно. Так и говорит:

"Отдайте: бога за вас молить буду!"

И котята были отданы убийце Чернова.

Темное дело

Перейдя в Петербург из Казани, в начале семидесятых годов, я нашел в производстве у следователя одно из тех мрачных дел, про которые можно сказать словами знаменитого Tardieu: *c'est ici que Ton desespera de l'humanite* [Тардье: вот где приходится разочаровываться в человечестве(ф р.)].

В Петербурге жило семейство чиновника К., состоявшее из родителей, двух дочерей, замечательных красавиц, и забулдыги-брата. Старшая дочь была замужем тоже за чиновником, но не жила с ним. Семейство познакомилось с богатым банкиром, который среди петербургских развратников слыл за особого любителя и ценителя молодых девушек, сохранивших внешние признаки девства, за право нарушения которых старый и безобразный торговец деньгами платил большие суммы. Почтенная семья решила представить ему старшую дочь в качестве девственницы и, повидимому, получила кое-что авансом. Но, кем-то предупрежденный о готовившемся обмане, банкир потребовал точного исполнения условленного, грозя какими-то имевшимися у него компрометирующими родителей подложной девственницы документами. Тогда вся семья, за исключением младшей дочери Надежды, решила принести ее в жертву современному Минотавру, причем старшая сестра ее играла самую активную роль и была посредницей в переговорах, выговорив себе за это часть из общего вознаграждения.

Но несчастная Надежда К., которой только что минуло 19 лет, приходила в ужас от той роли, на которую ее обрекала развращенная семья. Кроме того, она была влюблена, хотя без доказательств взаимности, в красавца офицера лейб-гвардии Казачьего полка. Понадобились просьбы, слезы, настояния и всякого рода психическое принуждение и давление, чтобы побудить ее, наконец, согласиться отдаться в опытные и жадные объятия старой обезьяны. Для этого назначен был и день, в который сестра должна была приехать с нею к банкиру и затем, после роскошного ужина, оставить их вдвоем.

Но произошло нечто неожиданное.

Накануне своего жертвоприношения Надежда К. написала письмо любимому человеку в казармы, в котором просила приехать отобедать с нею в одном из загородных ресторанов. Около 5 часов дня она явилась в этот ресторан, взяла отдельный кабинет, заказала обед на двоих и приказала заморозить бутылку шампанского. Но ожидаемый сотрапезник не приехал. Прождав его до 9 часов вечера, не дотрагиваясь до обеда, но выпив несколько бокалов шампанского, Надежда К. уехала. Около 11 часов вечера она явилась в казачьи гвардейские казармы, где пожелала видеть своего знакомого. Его, однако, не было дома, и она, весело поболтав с тремя его товарищами, удалилась, сказав, что отправляется домой. На этом след ее потерялся. В 6 часов утра (дело было летом) какая-то дама, растрепанная и шатавшаяся, наняла на Знаменской площади извозчика и, подъехав к дому, где жило семейство К., дала извозчику полуимпериал, а на выраженное им недоумение махнула рукой и вошла в подъезд. Это была Надежда К. Она быстро прошла через комнату спавшего брата, потревожив его своим появлением и тем, что чего-то искала в столе, ничего не ответив на его вопрос. Через несколько минут в ее комнате раздался выстрел. Пуля прошла снизу вверх, не задев сердца, но произведя жестокое повреждение спинного мозга, выразив-

шеся в быстром нарастании паралича верхних конечностей и языка. Понесшая убыток благородная семья ("а счастье было так возможно, так близко!") не дала, однако, знать полиции, а пригласила находившегося в близких отношениях со старшей сестрою доктора медицины, преподававшего студентам Медико-хирургической академии и известного некоторыми научными работами. Он подавал первую помощь несчастной девушке, покуда она еще обладала речью, но когда, через несколько часов, она уже не могла владеть ни руками, ни языком, было дано знать полицейскому врачу, который нашел Надежду К. в ужасном положении. Она не могла говорить и двигать руками, лицо ее выражало жесточайшее страдание, а когда врач, осматривая рану, обратил внимание на ее половые органы, то нашел, что они находятся в таком состоянии воспаления и даже омертвения, которое свидетельствует о том, что она сделалась жертвою, вероятно, нескольких человек, лишивших ее невинности и обладавших ею последовательно много раз. Никаких знаков насилия, однако, на ее теле найдено не было. Несчастная претерпела несколько дней, на расспросы полиции и следователя отвечала лишь слезами и стонами и, наконец, умерла от своей раны и от явлений острой уремии как последствия местного повреждения.

К следствию была привлечена старшая сестра, взятая на поруки упомянутым выше профессором, но, несмотря на все усилия следователя и сыскающей полиции, открыть виновников совершенного над Надеждой К. злодеяния и вообще разъяснить эту драму не удалось. Существовал ряд предположений, розыски направлялись то в ту, то в другую сторону, но это не приводило ни к чему, и все обрывалось на роковом и вынужденном молчании покойной.

В начале октября того года, когда все это случилось, ко мне в камеру пришел поручитель за старшую дочь и с большим сознанием собственного достоинства сказал, что желает отказаться от поручительства за нее, так как разошелся и не хочет более иметь с нею ничего общего. Я сказал ему, что он может подать об отказе от поручительства заявление мне или следователю, но, воспользовавшись его пребыванием у меня, завел с ним разговор о существе этого дела.

Он согласился со мною, что оно ужасно, и когда я сказал ему, в каких направлениях шли розыски, он заявил мне, что это все ложные пути и, если бы покойная могла теперь говорить, она бы рассказала другое, "весьма неожиданное", прибавил он, лукаво усмехаясь. "Но ведь вы были при ней, когда она еще говорила, конечно, расспрашивали ее и, без сомнения, она вам сказала все, как другу семьи. Вы могли бы поэтому нас вывести из лабиринта, дать нам руководящую нить... ведь вы тоже возмущаетесь этим мрачным делом и не можете не жалеть несчастную девушку". - "Ну, само собой разумеется, - ответил он совершенно спокойно, - она мне все рассказала, и жаль мне ее, и возмущаюсь я, а все-таки помогать вам не хочу. Ее не воротишь, а мне это невыгодно и неудобно. Впрочем, если вы дадите честное слово, - и он оглянулся на двери кабинета, - что не только не передадите никому того, что я вам скажу, но ни в каком случае и никаким способом этим не воспользуетесь, то я вам, как знакомому, для удовлетворения вашего любопытства, по дружбе, пожалуй, кое-что расскажу". - "Милостивый государь, я с вами говорю, как прокурор, а не по дружбе, которой между нами существовать не может, тем более, что я не имею чести быть с вами знакомым и вижу вас в первый раз". - "Ну вот, вы уж и сердитесь! Если так, то я вам, господин прокурор, заявляю, что я ничего по этому делу не знаю". - "Даже и

того, что старшая сестра погибшей заявила, что подделка ее невинности для господина банкира должна была совершиться при вашем техническом содействии?" - "Нет, знаю!" - "Но разве это возможно?!" - "Почему же нет?"

Для этого есть разные способы, между прочим, некоторые вяжущие средства". - "Я не в этом смысле говорю о невозможности. Но разве мыслимо, чтобы врач, профессор, руководитель молодежи служил своими знаниями такому презренному предприятию. Ведь это безнравственно!" - "Э-э-эх, господин прокурор, зачем вы такие страшные слова употребляете: нравственно, безнравственно. Нравственность-то ведь есть понятие гуттаперчевое, растяжимое.

Есть более реальные вещи: возможность, целесообразность, о них только и стоит говорить. Так то-с!" - и он с напускным добродушием протянул мне руку, а когда я ее не принял, то с насмешливым удивлением пожал плечами и неторопливой походкой пошел из кабинета.

Дело было прекращено судебной палатой.

Иван Дмитриевич Путилин

Начальник петербургской сыскной полиции Иван Дмитриевич Путилин был одной из тех даровитых личностей, которых умел искусно выбирать и не менее искусно держать в руках старый петербургский градоначальник Ф. Ф. Тренов. Прошлая деятельность Путилина, до поступления его в состав сыскной полиции, была, чего он сам не скрывал, зачастую весьма рискованной в смысле законности и строгой морали; после ухода Трепова из градоначальников отсутствие надлежащего надзора со стороны Путилина за действиями некоторых из подчиненных вызвало большие на него нарекания. Но в то время, о котором я говорю (1871 - 1875), Путилин не распускал ни себя, ни своих сотрудников и работал над своим любимым делом с несомненным желанием оказывать действительную помощь трудным задачам следственной части. Этому, конечно, способствовало в значительной степени и влияние таких людей, как, например, Сергей Филиппович Христианович, занимавший должность правителя канцелярии градоначальника. Отлично образованный, неподкупно честный, прекрасный юрист и большой знаток народного быта и литературы, близкий друг И. Ф. Горбунова, Христианович был по личному опыту знаком с условиями и приемами производства следствий. Его указания не могли пройти бесследно для Путилина. В качестве опытного пристава следственных дел Христианович призывался для совещания в комиссию по составлению Судебных уставов. Этим уставам служил он как правитель канцелярии градоначальника, действуя, при пересечении двух путей - административного усмотрения и судебной независимости - как добросовестный, чуткий и опытный стрелочник, устраняя искусной рукой, с тактом и достоинством, неизбежные разногласия, могшие перейти в резкие столкновения, вредные для роста и развития нашего молодого, нового суда. На службе этим же уставам, в качестве члена Петербургской судебной палаты, окончил он свою не шумную и не блестящую, но истинно полезную жизнь.

Близкое знакомство с таким человеком и косвенная от него служебная зависимость не могли не удерживать Путилина в строгих рамках служебного долга и нравственного приличия.

По природе своей Путилин был чрезвычайно даровит и как бы создан для своей должности. Необыкновенно тонкое внимание и чрезвычайная наблюдательность, в которой было какое-то особое чутье, заставлявшее его вглядываться в то, мимо чего все проходили безучастно, соединялись в нем со спокойной сдержанностью, большим юмором и своеобразным лукавым добродушием. Умное лицо, обрамленное длинными густыми бакенбардами, проницательные карие глаза, мягкие манеры и малороссийский выговор были характерными наружными признаками Путилина. Он умел отлично рассказывать и еще лучше вызывать других на разговор и писал недурно и складно, хотя место и степень его образования были, по выражению И. Ф. Горбунова, "покрыты мраком неизвестности". К этому присоединялась крайняя находчивость в затруднительных случаях, причем про него можно было сказать, "qu'il connaissait son monde" [что он знал свой мир (фр.)], как говорят французы. По делу о жестоком убийстве для ограбления купца Бояринова и служившего у него мальчика он разыскал по самым почти неуловимым признакам заподозренного им мещанина Богрова, который,

казалось, доказал свое alibi (инобытность) и с самоуверенной усмешечкой согласился поехать с Путилиным к себе домой, откуда все было им уже тщательно припрятано. Сидя на извозчике и мирно беседуя, Путилин внезапно сказал: "А ведь мальчишка-то жив!" - "Неужто жив?" - не отдавая себе отчета, воскликнул Богров, утверждавший, что никакого Бояринова знать не знает, - и сознался...

В Петербурге в первой половине семидесятых годов не было ни одного большого и сложного уголовного дела, в розыск по которому Путилин не вложил бы своего труда. Мне наглядно пришлось ознакомиться с его удивительными способностями для исследования преступлений в январе 1873 года, когда в Александро-Невской лавре было обнаружено убийство иеромонаха Иллариона. Илларион жил в двух комнатах отведенной ему кельи монастыря, вел замкнутое существование и лишь изредка принимал у себя певчих и поил их чаем. Когда дверь его кельи, откуда он не выходил два дня, была открыта, то вошедшим представилось ужасное зрелище. Илларион лежал мертвый в огромной луже запекшейся крови, натекшей из множества ран, нанесенных ему ножом. Его руки и лицо носили следы борьбы и порезов, а длинная седая борода, за которую его, очевидно, хватал убийца, нанося свои удары, была почти вся вырвана, и спутанные, обрызганные кровью клочья ее валялись на полу в обеих комнатах. На столе стоял самовар и стакан с остатками недопитого чая. Из комода была похищена сумка с золотой монетой (отец Илларион плавал за границей на судах в качестве иеромонаха). Убийца искал деньги между бельем и тщательно его пересмотрел, но, дойдя до газетной бумаги, которой обыкновенно покрывается дно ящиков в комодах, ее не приподнял, а под ней-то и лежали процентные бумаги на большую сумму. На столе у входа стоял медный подсвечник, в виде довольно глубокой чашки с невысоким помещением для свечки посередине, причем от сгоревшей свечки остались одни следы, а сама чашка была почти на уровень с краями наполнена кровью, ровно застывшей без всяких следов брызг.

Судебные власти прибыли на место как раз в то время, когда в соборе совершалась торжественная панихида по Сперанскому - в столетие со дня его рождения. На ней присутствовали государь и весь официальный Петербург. Покуда в соборе пели чудные слова заупокойных молитв, в двух шагах от него, в освещенной зимним солнцем келье, происходило вскрытие трупа несчастного старика. Состояние пищи в желудке дало возможность определить, что покойный был убит два дня назад вечером. По весьма вероятным предположениям, убийство было совершено кем-нибудь из послушников, которого старик пригласил пить чай. Но кто мог быть этот послушник, выяснить было невозможно, так как оказалось, что в монастыре временно проживали, без всякой прописки, послушники других монастырей, причем они уходили совсем из лавры, в которой проживал сам.

митрополит, не только никому не сказавшись, но даже, по большей части, проводили ночи в городе, перелезая в одном специально приспособленном месте через ограду святой обители.

Во время составления протокола осмотра трупа приехал Путилин. Следователь сообщил ему о затруднении найти обвиняемого. Он стал тихонько ходить по комнатам, поглядывая туда и сюда, а затем, задумавшись, стал у окна, слегка барабанив пальцами по стеклу. "Я пошлю, - сказал он мне затем вполголоса, - агентов (он выговаривал ахентов) по пригородным железным дорогам. Убийца, вероятно, кутит где-нибудь в трактире, около станции". - "Но как же они узнают